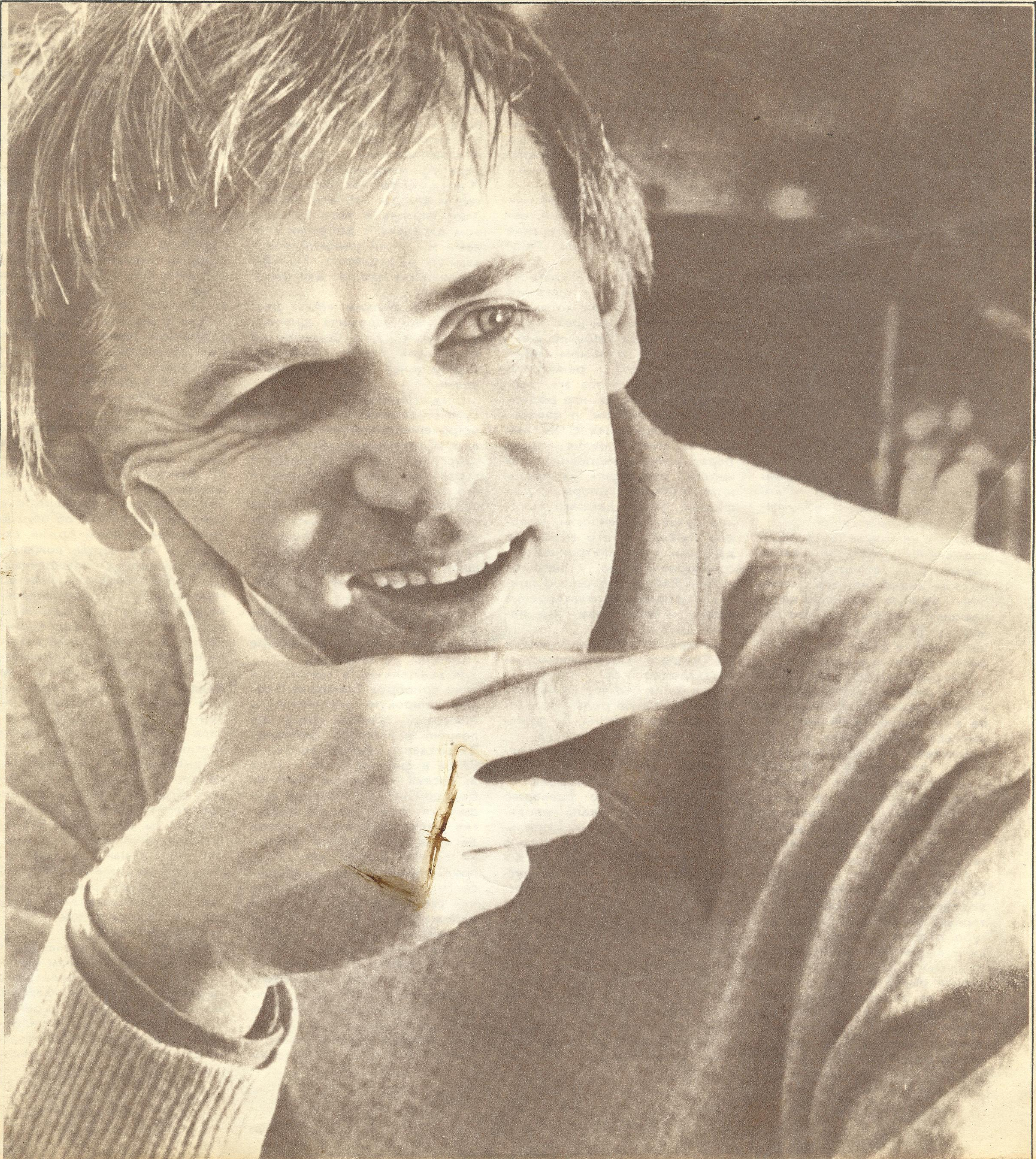
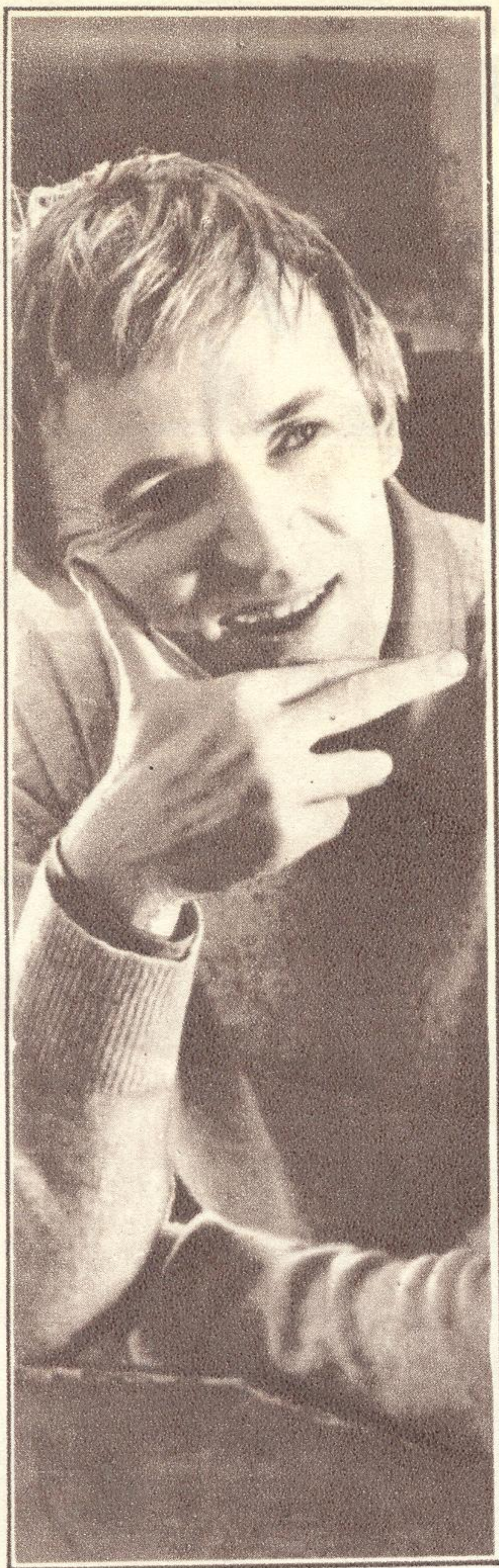


Stanislav Lyubshin

СТАНИСЛАВ ЛЮБШИН





СТАНИСЛАВ

дять за его тончайшими психологическими движениями.

Драматургия А. Володина, режиссура Н. Михалкова открыли перед Станиславом Любшиным широкие просторы, но и от него потребовали многого. Потребовали не одного лишь понимания, а подробного исследования воплощаемого характера, порой неожиданных выразительных средств. Новый уровень понимания жизни, человека, новые свои актерские качества открыл здесь Любшин.

Но, прежде чем разбирать эту работу, обратимся к прежним ролям актера — присмотримся к пути, которым он шел.

Первый успех Любшина в кино связан с фильмом «Мне двадцать лет» режиссера М. Хуциева. Картина эта, рассказывавшая о тех, кто родился в сорок первом, о двадцатилетних пареньках с заставы Ильича, ставила своих героев перед вечным вопросом: «Как жить?», побуждала их искать нравственные опоры. Для фильма, утверждавшего высокие духовные ценности, молодой Любшин, с его внешними данными, с его внутренней сосредоточенностью, оказался нужен. Работа над ролью принесла истинное удовлетворение актеру и режиссеру, они поняли друг друга.

«Впервые Любшина я увидел в Театре «Современник», — рассказывал М. Хуциев. — Играл он самую что ни на есть второстепенную роль. Но я запомнил этого парня, и фамилия его мне как-то запала.

Когда мы подбирали исполнителей для фильма «Мне двадцать лет», то на роль героя, которого по сценарию звали Иван, мы искали человека тяжеловатого, медлительного, своею основательностью и душевной прочностью как бы соответствующего этому русскому имени. Однажды ассистент позвала меня посмотреть актера на эпизодическую роль. Захожу в комнату, сидит Любшин. Я говорю: «Причем здесь эпизодическая роль, вот такой должен быть Иван!» Я очень доволен, как сыграл Любшин».

На экране героя звали Славкой — роль была приближена к исполнителю, к его тогдашним возможностям. Любшин

играл одного из трех друзей, молодого рабочего-экскаваторщика. Обремененный семьей, вечно нагруженный авоськами, его герой кажется всецело поглощенным своими заботами и делами. Тем не менее он очень дорожит старыми привязанностями, сохраняет верность юношеской дружбе. И хотя «обрастает бытом», актер и авторы картины заставляют увидеть в этом худощавом пареньке с добрыми глазами и мягкой улыбкой нечто важное и надежное. Правду, искренность чувств, душевную прямоту.

Роль в фильме «Мне двадцать лет» заложила прочный фундамент для дальнейшей творческой судьбы Любшина, сложившейся на редкость удачно.

В театральном училище, будучи студентом, он играл роли острохарактерные — Худобаева в «Светит, да не греет» Островского, Луку в горьковской пьесе «На дне», а дипломной его работой, получившей единодушное одобрение, была роль Сиплого в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского. Выпускника Щепкинской школы пригласили в «Современник», затем ему случилось играть в Театре на Таганке, в Театре имени Ермоловой, в Театре на Малой Бронной. Незаурядность дарования актера сомнений не вызвала.

И все-таки не в театре, а в кино приобрел Станислав Любшин широкую популярность. Массовый зритель сразу запомнил и полюбил Любшина. За создание образа Белова — Вайса в фильме «Щит и меч» В. Басова Станислав Любшин был признан в 1968 году лучшим актером года. Да и другие роли, сыгранные в шестидесятые годы, всегда находили отклик в аудитории. Стал привычным облик любшинского героя — его удивительная светлая улыбка, мягкость, сдержанность. Успех был завоеван. Актер мог удовлетвориться сделанным. Но только другой актер, не Любшин.

Станислав Любшин постоянно устремлен к глубокому постижению человеческого характера, к доскональному его исследованию. Не ставить точку, а двигаться дальше, не успокаив-

ваться на достигнутом. Отсюда и способность самокритично оценивать сыгранное, умение видеть новые перспективы. Характерно его замечание по поводу результатов собственной работы в картине «Щит и меч»: «Мне кажется, душевный мир героя в фильме показан недостаточно: слишком много приключений и гораздо меньше психологии. Сейчас многое сыграл бы по-другому. Я бы постарался показать на экране душевное состояние человека, который долгие годы вынужден жить бок о бок с врагами и не может себе позволить быть самим собой».

Если в картине «Щит и меч» властвовал сюжет и актер не смог по-настоящему пробиться к личности, к индивидуальности героя, то в фильме В. Ордынского «Красная площадь» Любшин встретился с иными возможностями работы над образом. Материал роли, которая была написана сценаристами Ю. Дунским и В. Фридом специально для Любшина, позволял отойти от устоявшихся в кино представлений об образе комиссара Красной Армии, открыть в нем черты, пожалуй, непривычные, неожиданные. Да, Любшин создал характер героический; самоотверженность, смелость и решительность — его определяющие черты. Но актер в то же время не пытался сдерживать безрассудный порыв молодости, не боялся обнаружить в своем герое наивность, неопытность — черты, ставящие порой комиссара Амелина в положения трагикомические.

Темпераментом, целеустремленностью, одержимостью герой «Красной площади» словно предваряет образ молодого ученого из «Монолога» Е. Габриловича и И. Авербаха. Амелин был предан идее революции, шел за нее в смертельный бой. Котиков — рыцарь научной идеи и безоглядно отстаивает ее, бьется за нее с такой же страстностью.

Котиков не принадлежит к центральным образам картины «Монолог». Но роль этого персонажа в судьбе главного героя — профессора Сретенского, можно сказать, решающая. Именно Котиков заставляет старого ученого пересмот-

В давнем интервью Любшин сказал: «Роль в пьесе «Пять вечеров» дала мне возможность поверить в себя».

Тогда в спектакле Театра «Современник» молодой актер сыграл роль второстепенную, но, как видно из его слов, очень важную для него, начинающего. Теперь это зрелый мастер. В кино и в театре у него десятки работ. Но то признание осталось в силе.

Минуло двадцать лет, и Станислав Любшин опять сыграл в «Пяти вечерах». Только уже не в спектакле, а в фильме режиссера Н. Михалкова, и не во второстепенной, а в главной — роли Александра Ильина, Саши. Думается, что эта роль главная не только в пьесе А. Володина, в театральных спектаклях и в новой картине, — она главная для всего творчества Любшина.

Актер создавал лирические образы и романтически приподнятые, играл роли характерные, выступал как герой сугубо положительный, появлялся и в облике отрицательного персонажа, но, воплощая на экране образ Ильина, он поднялся на вершину актерского искусства, сумел проникнуть в самые глубины человеческой души, в сложный и противоречивый характер героя, просле-

ЛЮБШИН

ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ РСФСР

реть свою жизнь, вернуться к разработке важного научного эксперимента, когда-то успешно им начатого. Любшин точно понял место своего героя в художественном строе фильма, создал живой, самобытный характер, полно выражающий авторский замысел.

На экране привычная сдержанность, полюбившаяся нам спокойная сосредоточенность стали уступать место открытому темпераменту. При этом к внешнему перевоплощению Любшин не стремится — он всегда был узнаваем зрителями.

Узнаем мы его «в лицо» и в фильме В. Мельникова «Ксения, любимая жена Федора». Но здесь актер создает во многом противоположный прежним ролям характер. Его герой не входит — врывается в кадр. Стремительно вбегает Федор в комнату общежития, где живет его жена Ксения, никого как будто не видит вокруг. Кричит Ксении: «Собирай вещи!» — и тут же сам сгребает попавшееся под руку. Актер с первого появления обнаруживает особенность натуры Федора. Кулаком по столу — и что бы все было сразу! В его правилах — получать положенные ему блага без отлагательств, вне очереди, сию минуту. Он везде хочет быть первым — на работе, дома. Там — передовик труда, здесь — стремящийся к беспрекословному подчинению себе глава семьи.

Федор чувствует себя крепко стоящим на ногах. Работать он умеет, «качать права» — тоже. Своего добивается настойчиво, напористо. И в конфликт с начальником участка Сидоровым вступает, требуя прежде всего удобств для себя, для своей семьи, исходя из собственной выгоды и не веря, что начальник может заботиться о деле и, стало быть, о нем, Федоре.

В лирических мотивах этой роли — во взаимоотношениях с Ксенией — нет-нет да и проглянет знакомое, былое «любшинское», но в целом образ выстраивается на иной основе, сам строительный материал здесь другой, тяготеющий к броским краскам, острым ритмам, к выразительной пластике.



- МНЕ 20 ЛЕТ
Киностудия им. М. Горького, 1964 г.
- ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ
Мосфильм, 1979 г.

Любшин все более проявляет себя как актер характерный, оставаясь на экране свободным и искренним. Не искренним актер быть не вправе. Это его давнее убеждение, определяющее согласие на ту или иную роль: «Право выбора можно осуществить, вспомнив о своей обязанности отказаться. Отказаться, если материал, который тебе предлагают, тебя не волнует, не позволяет тебе быть искренним». Любшин выбирает роли, которые его действительно волнуют, и потому он всегда органичен, совершенно точен во внешнем рисунке и в раскрытии внутренней сущности характера.

Он не полагается только на талант. Режиссеры и актеры, которые встречались с Любшиным на съемочной площадке, рассказывают, что он активен и горяч в споре, неутомим в работе. А если ему кажется, что роль в чем-то еще не удалась, он добивается лишних дублей, изматывает себя, режиссера, партнеров, пока не достигает нужного результата. Он не позволяет себе войти в павильон «пустым», ставит перед собой все новые задачи — в процессе съемок идет бесконечный поиск.

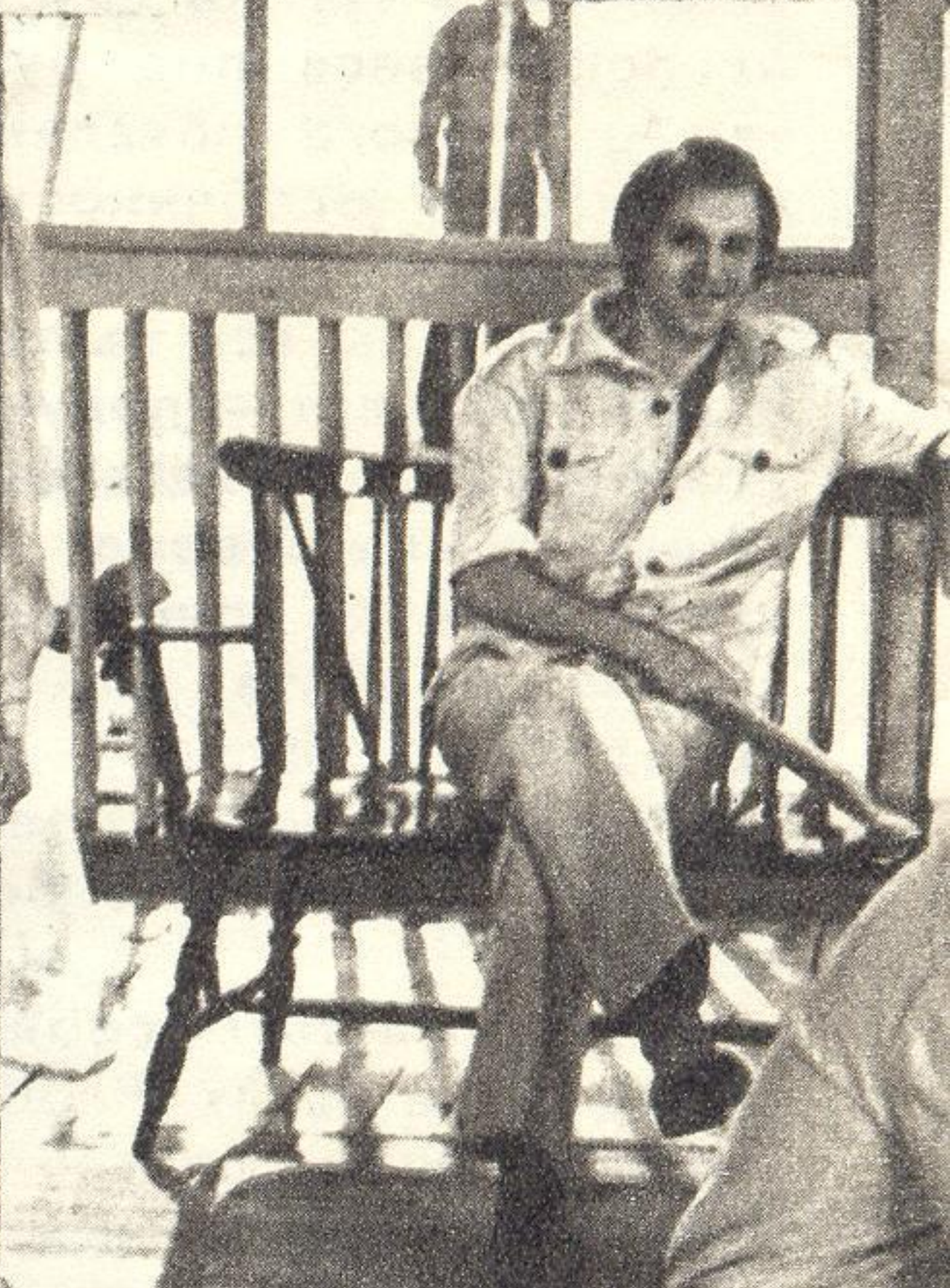
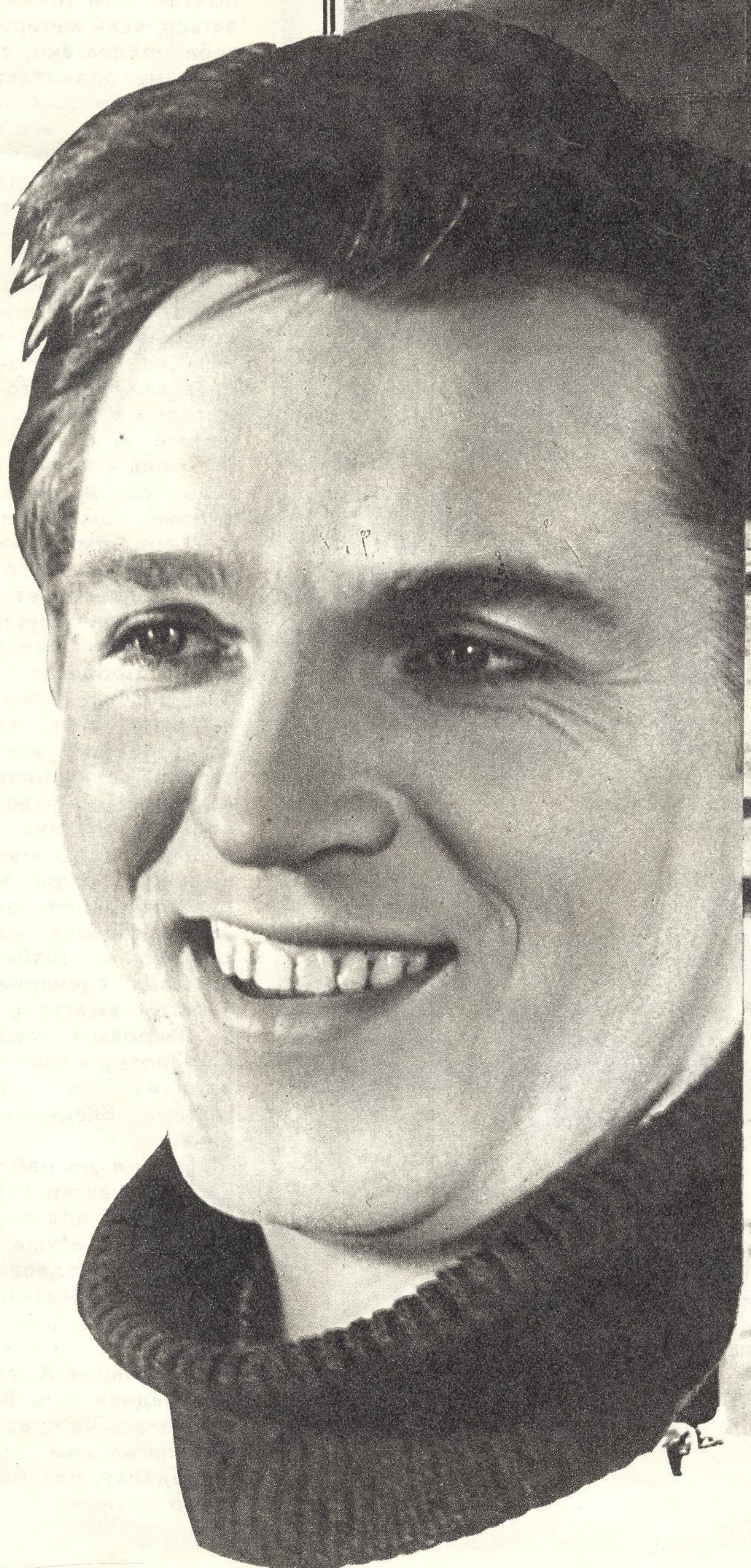
Может быть, сам принцип всестороннего анализа образа, углубленного, тщательного его исследования и детальной разработки толкнул Любшина к попытке испытать себя в режиссуре, когда в руках его оказалась киноповесть В. Шукшина «Позови меня в даль светлую...». Любшин сначала поставил сценарий на радио, а затем вместе с оператором Г. Лавровым осуществил его постановку в кино и сам сыграл одну из главных ролей — бухгалтера Владимира Николаевича.

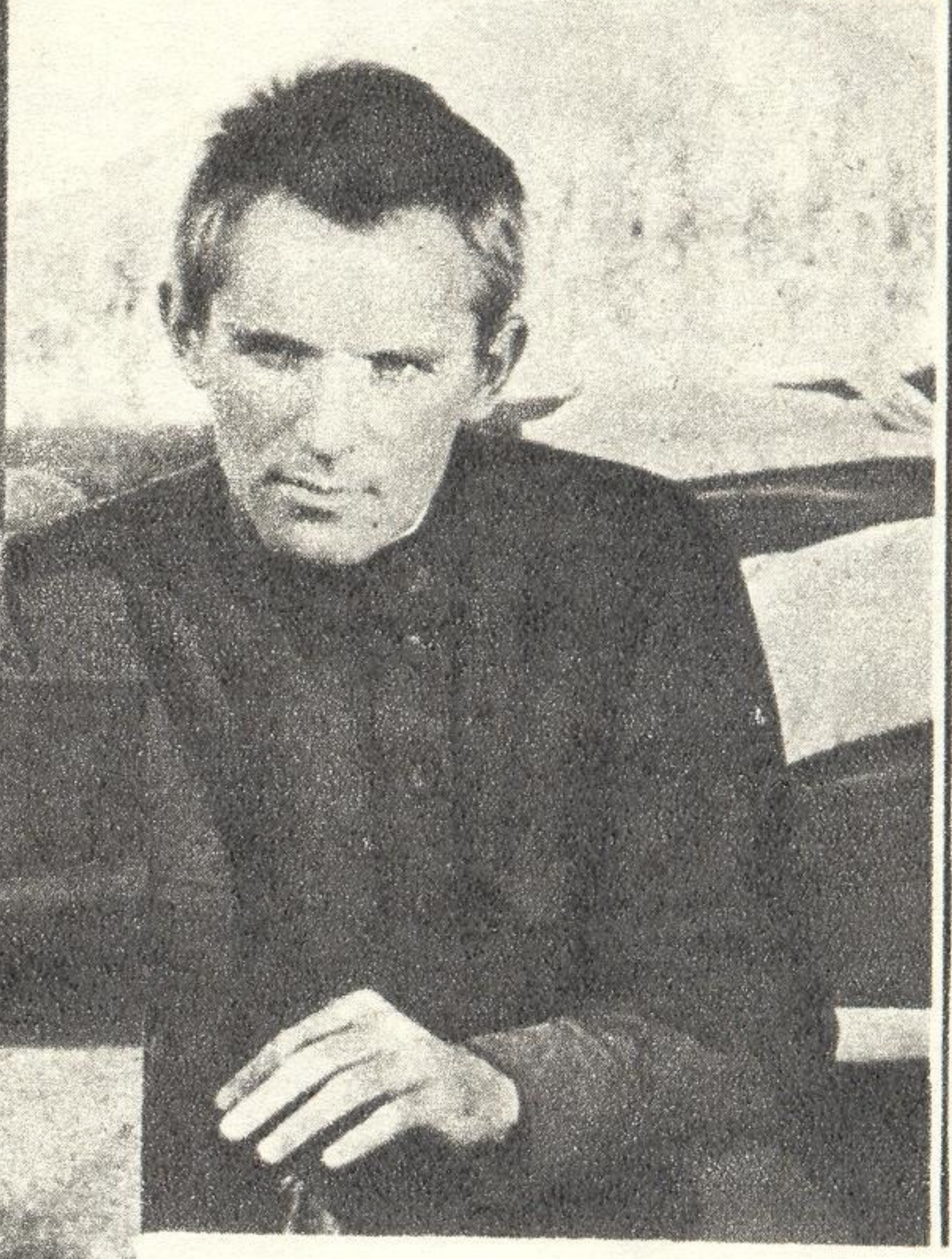
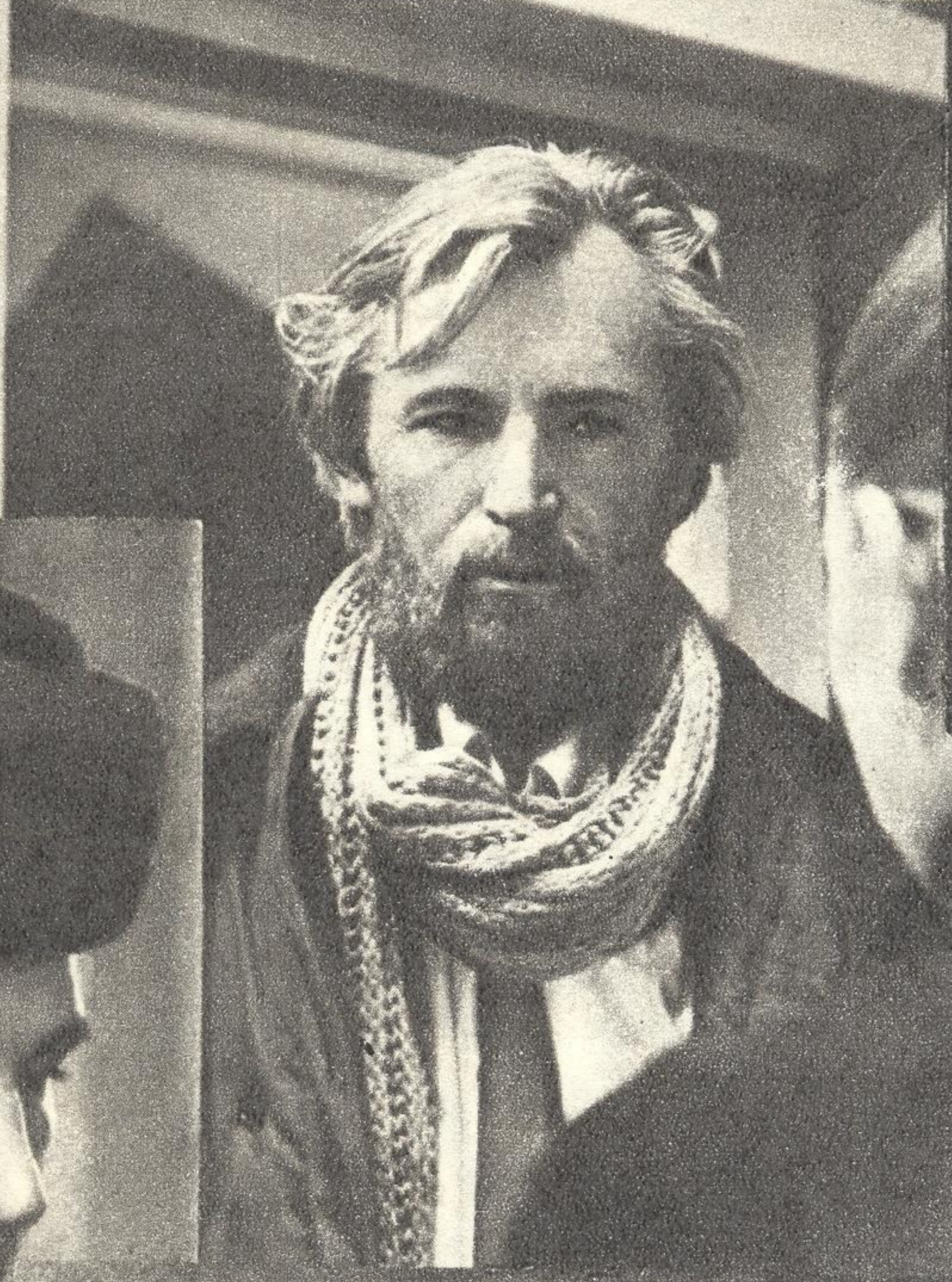
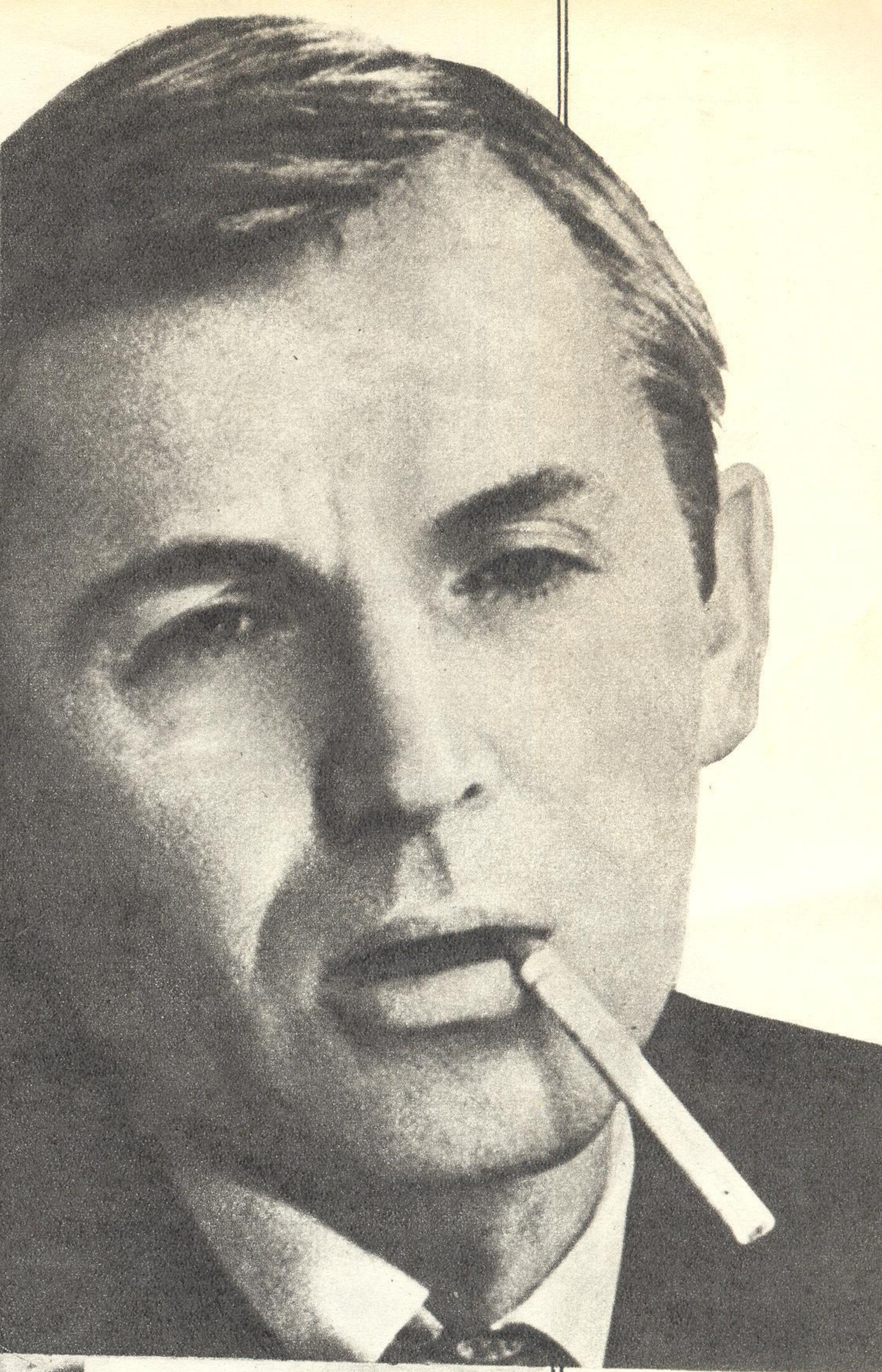
Но еще до работы над этой картиной актер снялся в фильме «Слово для защиты» В. Абдрашитова, и уже здесь, играя Виталика Федяева, самостоятельно срежиссировал образ, точнее, дал ему свою трактовку.

В сценарии А. Миндадзе неприглядная суть Виталика раскрывалась не сразу. Драматург предлагал нам присмотреться к Федяеву, разобраться в нем, в его позиции.

Handwritten signature in green ink.

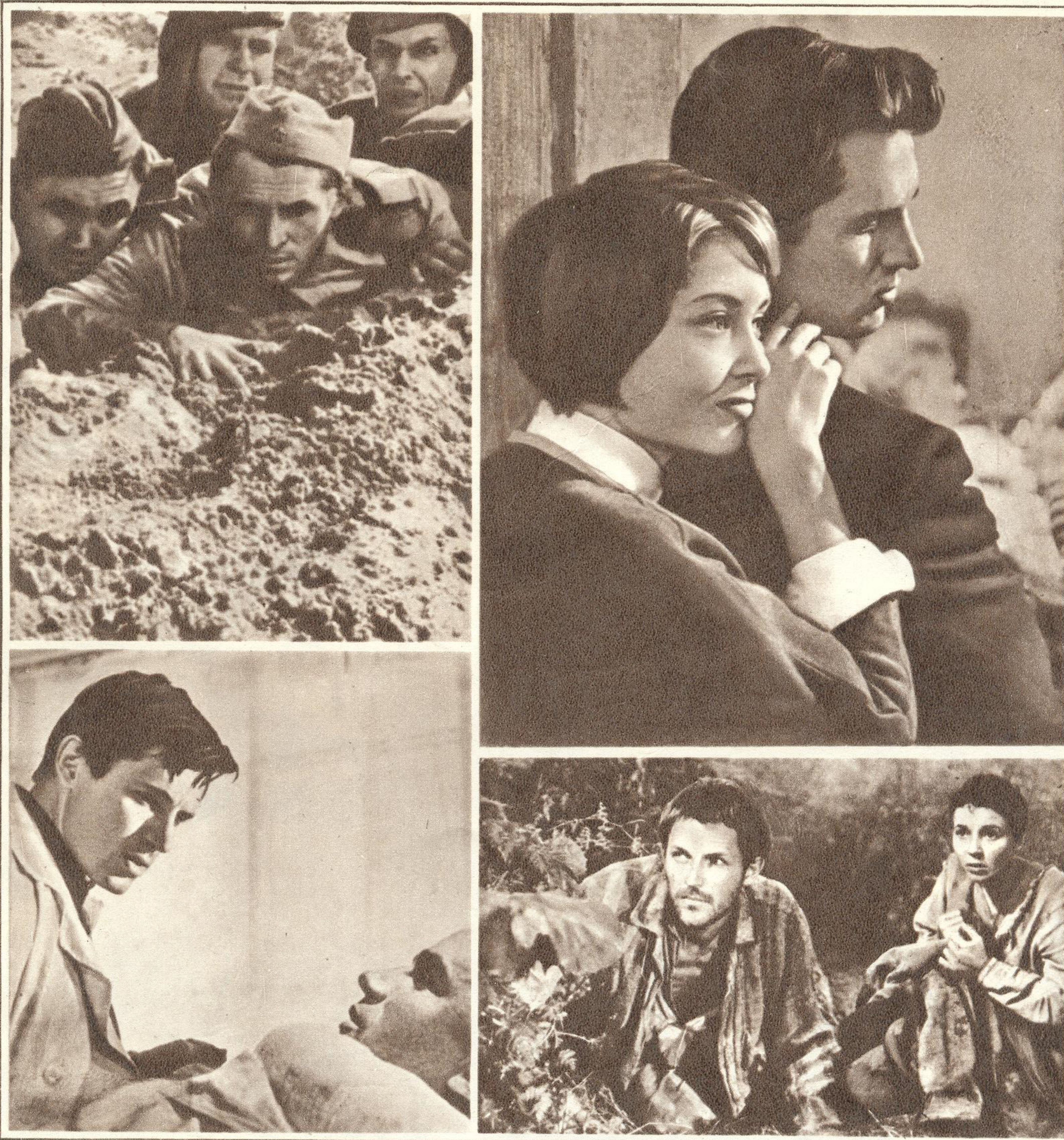
СТАНИСЛАВ ЛЮБШИН







- **МНЕ 20 ЛЕТ**
Киностудия им. М. Горького, 1964 г.
- **ТРЕТЬЯ РАКЕТА**
Беларусьфильм, 1963 г.



- **ЕСЛИ ТЫ ПРАВ**
Киностудия им. М. Горького, 1963 г.
- **БОЛЬШАЯ РУДА**
Мосфильм, 1964 г.
- **АЛЬПИЙСКАЯ БАЛЛАДА**
Беларусьфильм, 1965 г.

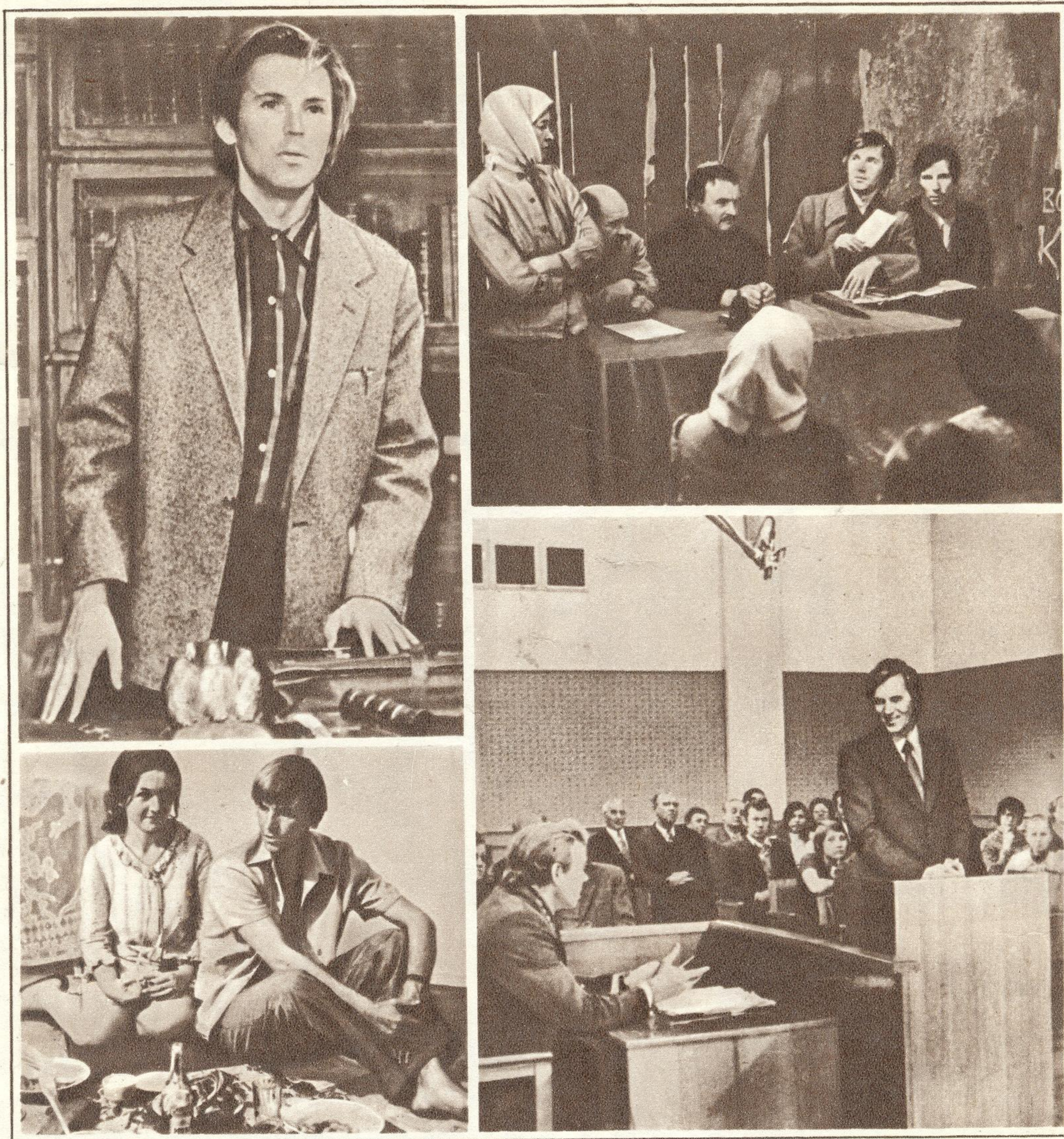
● ЩИТ И МЕЧ
Мосфильм,
1967—68 гг.





● **МОНОЛОГ**
Ленфильм, 1972 г.

● **СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН**
Ленфильм, 1976 г.



● **КСЕНИЯ, ЛЮБИМАЯ ЖЕНА ФЕДОРА**
Ленфильм, 1974 г.

● **СЛОВО ДЛЯ ЗАЩИТЫ**
Мосфильм, 1976 г.

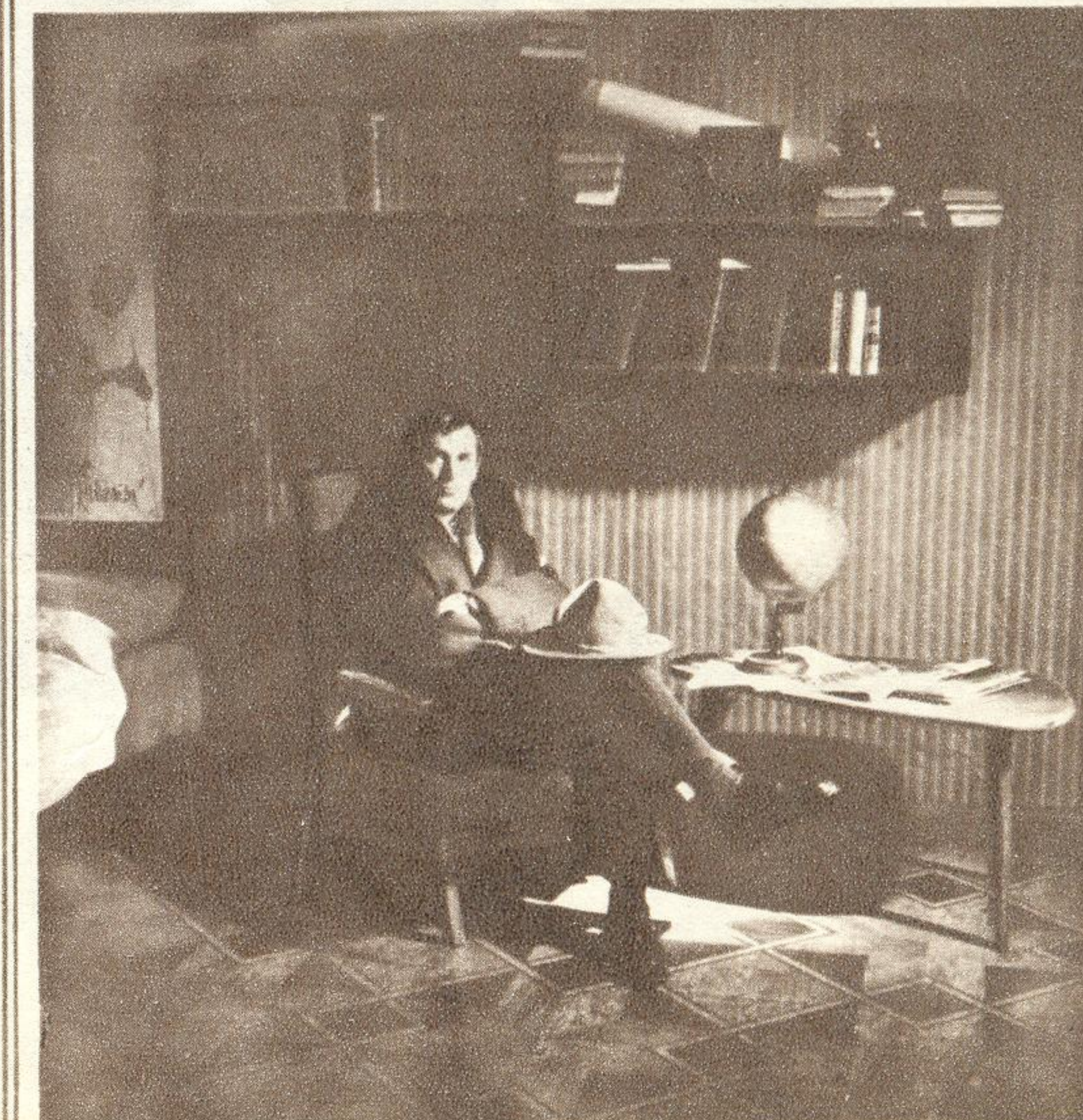
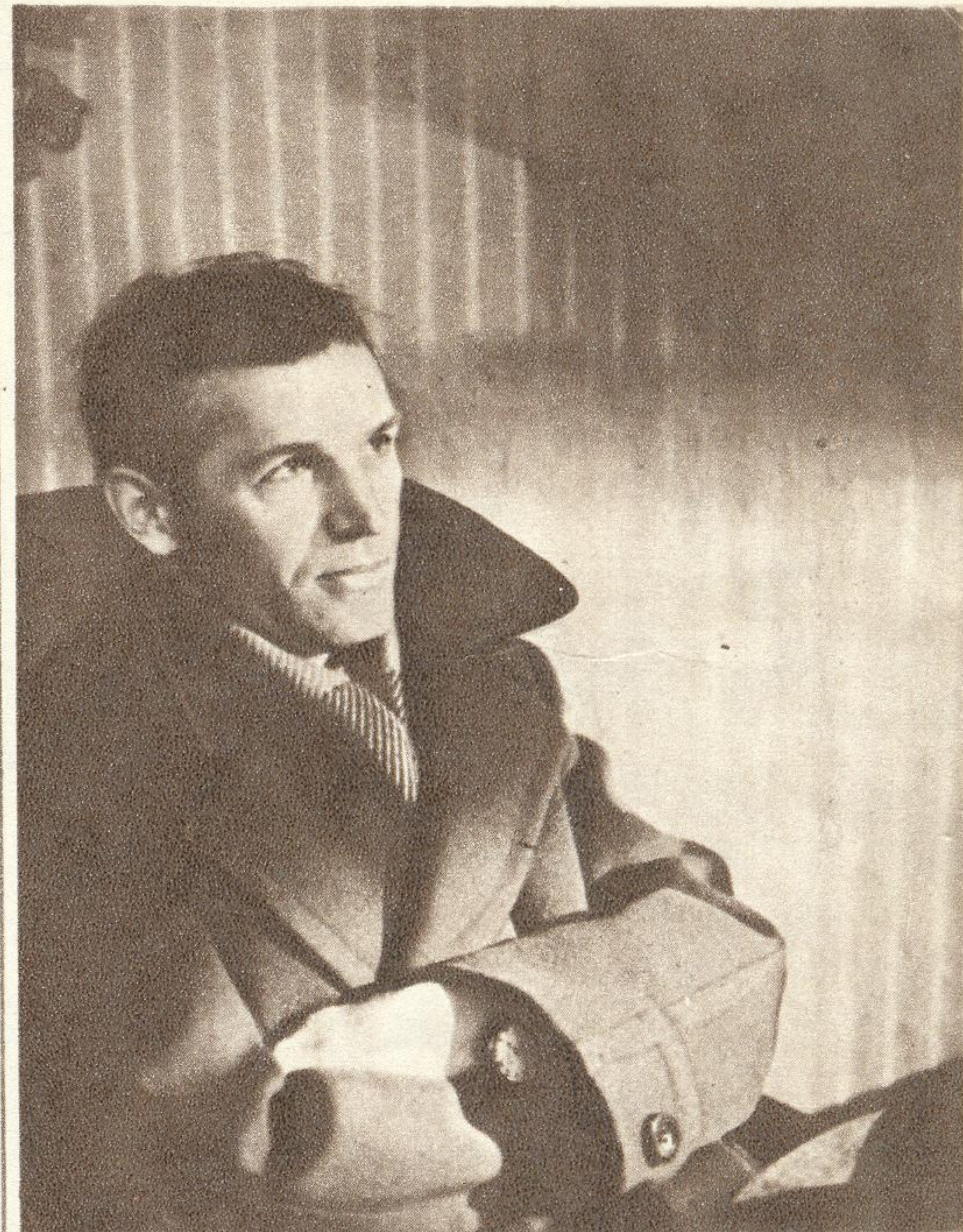
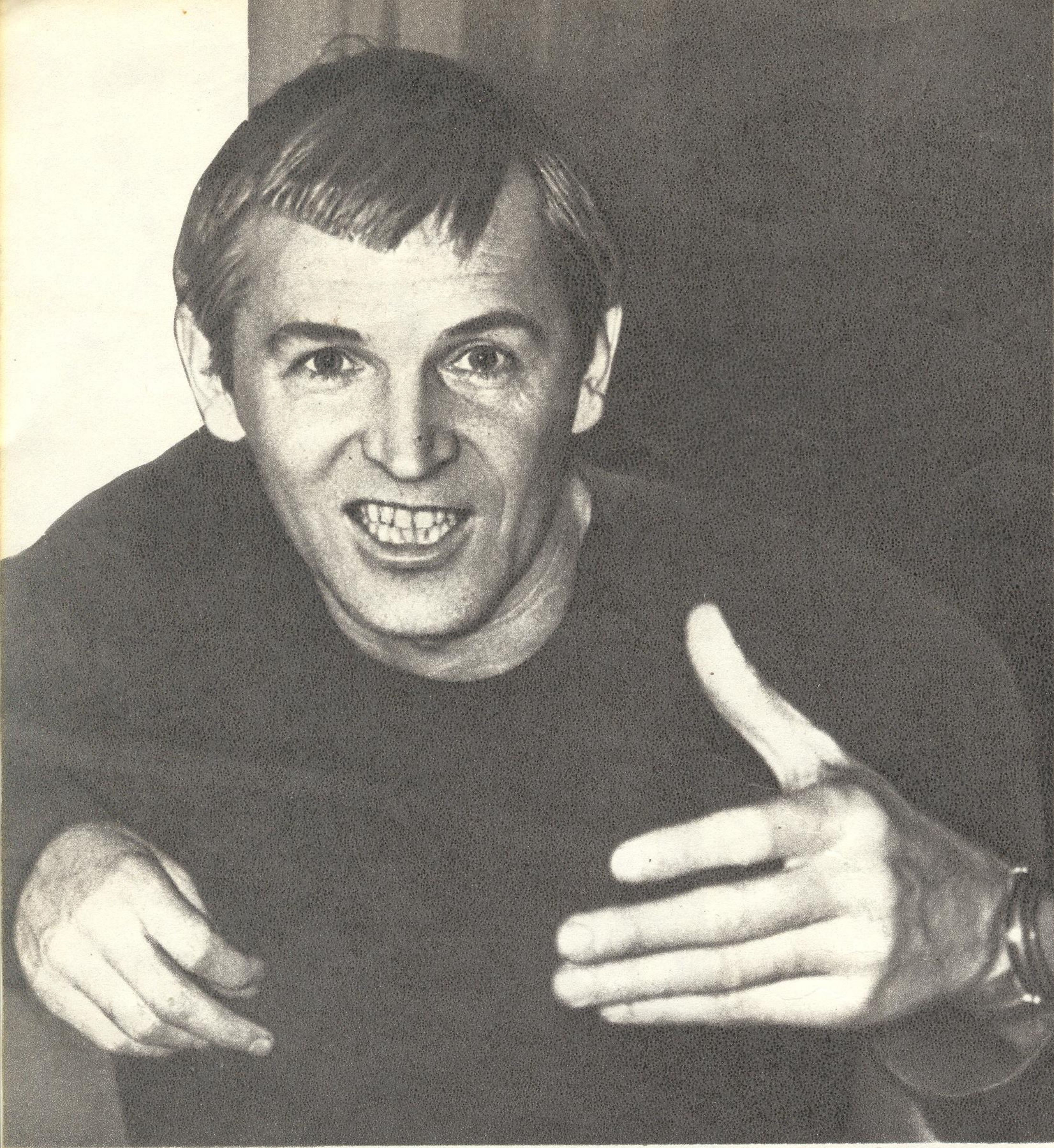
● **КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ**
Мосфильм, 1971 г.



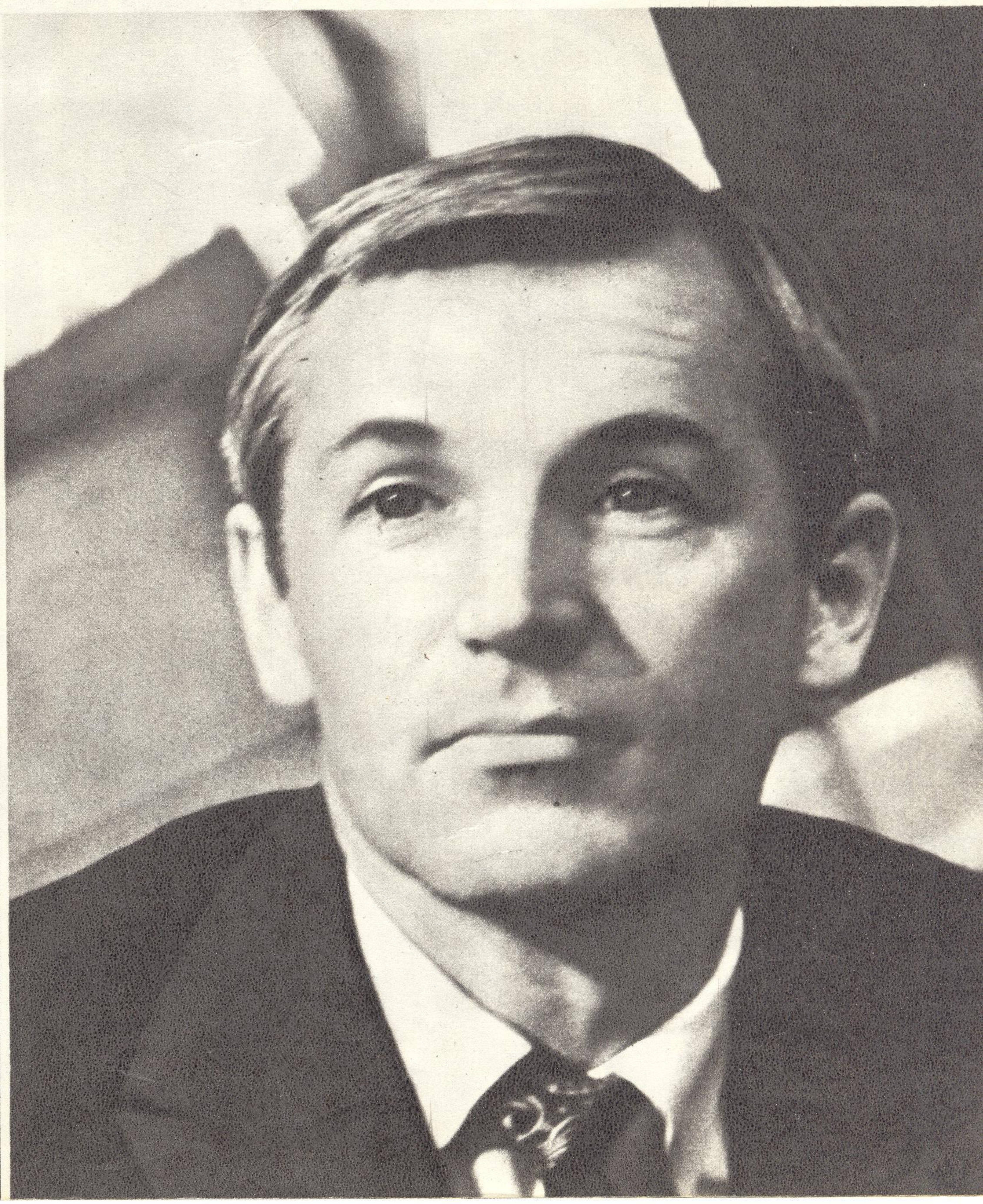
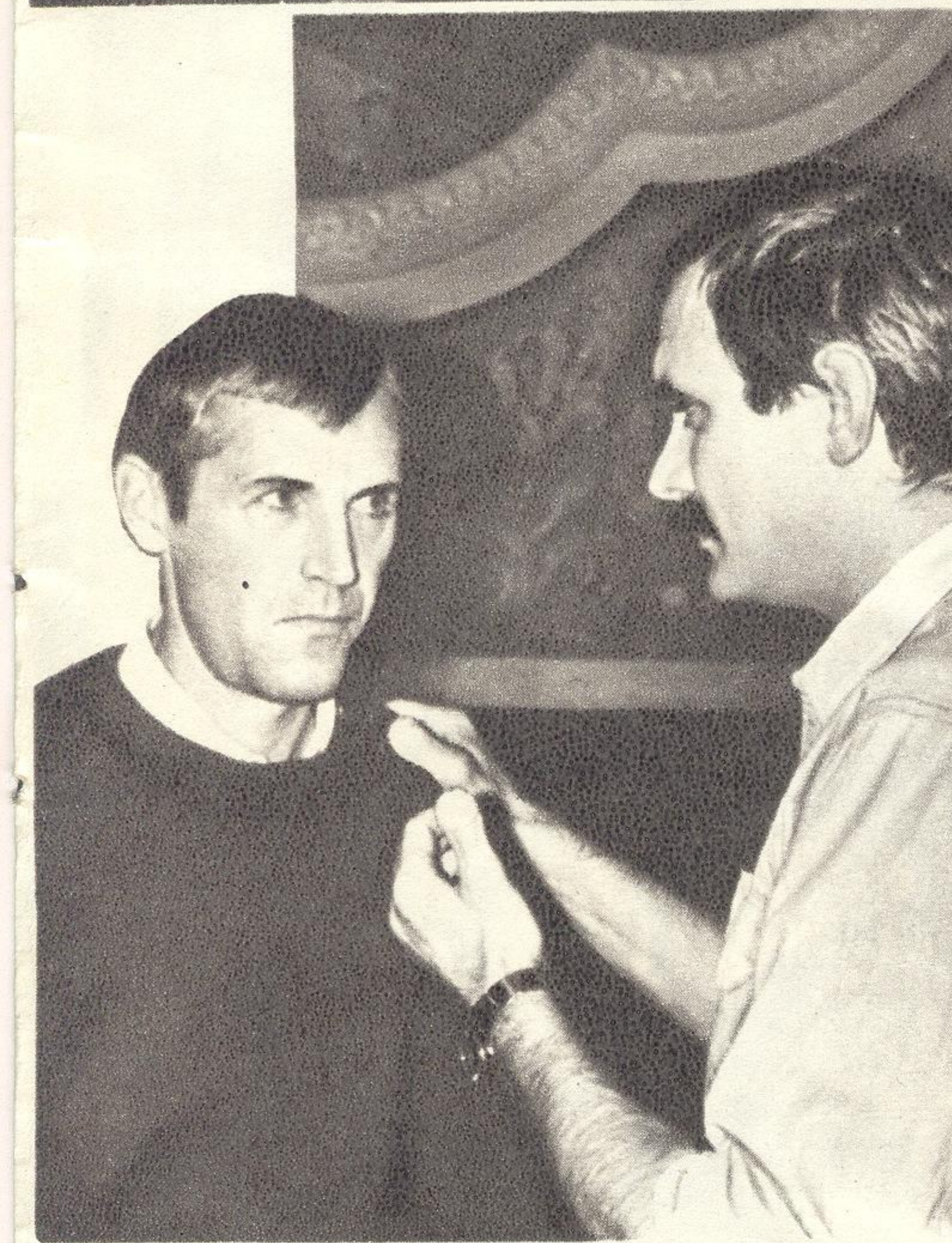
**СТАЛАСЛАВ
ЛЮБИШИН**







● ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ
Мосфильм, 1979 г.





- С. Любшин — один из режиссеров и исполнитель роли Владимира Николаевича в фильме «ПОЗОВИ МЕНЯ В ДАЛЬ СВЕТЛУЮ...» Ленфильм, 1977 г.



- **ВСТРЕЧА**
Киностудия им. А. П. Довженко
(при участии «Мосфильма»), 1979 г.



- **ПЕЧКИ-ЛАВОЧКИ**
Киностудия им. М. Горького, 1972 г.



СТАНИСЛАВ

В фильме Любшин с первого появления Федяева на экране — в доме адвоката Межниковой — настраивает нас против своего героя, выступает его судьей, а позже — и обвинителем. Надо, однако, сказать, что актер вовсе не демонстрирует черты негодяя, не играет его, так сказать, «снаружи» — вывleкает изнутри, хотя и не исподволь. Внешне это тихий, вежливый молодой человек, таким он старается выглядеть. Но, впрочем, ощущаешь и то, что он старается показать свои страдания, выразить сочувствие обвиняемой Валентине. Фальшь ненароком, подлость, которую скрыть нельзя, — суть актерской трактовки образа. К тому же Любшин акцентирует трудность Федяева: тот постоянно боится, что скажет что-то не в свою пользу, что его не так поймут, и то и дело ищет поддержки со стороны. Такое прочтение роли — свидетельство самостоятельного ее толкования: автор сценария был менее категоричен и более объективен в отношении к своему герою.

Давая Федяеву определенную резкую характеристику, Любшин играет мягко, на полутонах. Если в «Ксении, любимой жене Федора» бушевал темперамент, кипела энергия, то в «Слове для защиты» была приметна и по-особому выразительна вкрадчивая манера поведения персонажа. Виталик вроде бы никому не навязывает своей правды, не рвется за нее в бой, он ее лишь излагает, неотступно, но именно излагает, а не защищает, как Федор.

В следующем фильме — «Позови меня в даль светлую...» — актерские средства обрeтают невиданную ранее в творчестве Любшина острую графическую выразительность. Внешний облик бухгалтера Владимира Николаевича мгновенно приковывает к себе внимание. Антипатичный герой является перед нами в очевидной своей нелепости. Голова втянута в плечи, руки оттопырены, шагает он вразвалку, утиной походкой. На нем костюм, мешковато сидящий, с длинными, свисающими рукавами, большая кепка, которую Владимир Николаевич подчеркнуто аккуратно снимает с голо-

вы и столь же аккуратно натягивает на голову. Но больше всего поражает лицо — непривычно для героев Любшина отталкивающее. Редкие приглаженные волосы, на лбу большие залысины, отчего унылым кажется вытянутый овал физиономии. Знакомый нам раньше, всегда распахнутый, мягкий взгляд стал каким-то вездливый, а обычно широко открытые, добрые глаза превратились в маленькие пронзительные буравчики, сверлящие собеседника.

Внешняя характеристика во всех деталях выявляла внутреннее существо образа, мастерски выписанного Шукшиным. Открывая новую грань своего дарования — способность к четкому сатирическому рисунку, — актер не боится сгущать краски и даже порой выстраивает образ, близкий к гротеску. Его ведущая задача — показать ограниченность, духовное убожество «тоскливого дятла» — таково прозвище Владимира Николаевича, непрестанно и с удручающим однообразием выстукивающего свои немудреные и нудные житейские установки. Актер, казалось бы, беспощаден к своему герою. Но мы заметим иногда мелькнувшую в глазах Владимира Николаевича грусть, поймем его неприкаянность, и нам откроется, что, вынося жестокий приговор герою, Любшин вместе с тем и с неподдельной искренностью жалеет его. Жалеет, потому что этот скучный человек никого не позовет в даль светлую, нет у него способности к полету души.

Возможность нового подхода к роли, неожиданных актерских проявлений предоставлялась Станиславу Любшину далеко не всегда. В тех случаях, когда драматургия фильма и материал роли ограничивали творческий поиск, как, скажем, в «Сентиментальном романе», поставленном на «Ленфильме» режиссером И. Масленниковым, артист обращался к накопленному опыту, к отточенным приемам индивидуальной актерской техники. В «Сентиментальном романе» по книге В. Пановой он сыграл роль героя гражданской войны Кушли, бойца, который переходит на

рельсы мирной жизни, строительства нового общества, но — остается бойцом. В драматургии картины, по сравнению с романом, образ Кушли многое потерял. Книга — живое, яркое воспоминание о том времени, фильм — беглое упоминание о нем. Любшин вдохнул в экранный образ Кушли свое актерское обаяние, и зритель отнесся к герою с доверием и симпатией.

В актерских данных Любшина С. Бондарчук, ставивший «Степь», хорошо почувствовал удивительную близость чеховскому герою — Константину Звоноку. Одна из лучших сцен картины связана с появлением Константина — Любшина.

«Огонь ли так мелькнул, или оттого, что всем хотелось разглядеть прежде всего лицо этого человека, но только странно так вышло, что при первом взгляде на него увидели прежде всего лицо, не одежду, а улыбку. Это была улыбка необыкновенно добрая, широкая и мягкая, как у разбуженного ребенка, одна из тех заразительных улыбок, на которые трудно не ответить улыбкой».

Эта характеристика, данная Чеховым, вспоминается, едва встречаешься на экране со Звоноком — Любшиным. Актер точно воплотил чеховский образ, сумел передать одухотворенность Константина, переполненность его чувством неожиданного счастья, которым он готов одарить окружающих.

До сих пор, за немногими исключениями — такими, как роль Владимира Николаевича из картины «Позови меня в даль светлую...», Федора из фильма «Ксения, любимая жена Федора» — можно было говорить, что Любшин обычно приближает к себе своих экранных героев, к своему типу, к излюбленному характеру. Фильм «Пять вечеров» начисто разрушает такое представление об актере.

Любшин играет в «Пяти вечерах» человека трудной судьбы. Был студентом, подавал большие надежды, но случилось так, что бросил он в глаза подлецу обидную правду, это обошлось ему дорого: из института пришлось уйти. Предполагалось в жизни одно — по-

лучилось другое. Александр Ильин стал шофером, работал на тяжелых северных трассах, никогда, по-видимому, не жалел о том, что не сбылось, но вопрос: «Состоялся он или нет, неудачник он или человек осуществившийся?» — он задавал и задает себе постоянно. Поиски ответа, протекающие внутри, в душе Ильина, сложны, мучительны, хотя держится он победителем — независимо и свободно. Не просто надевает шляпу — нахлобучивает ее широким шикарным жестом, шагает размашисто, «самоутверждается» в каждом жесте, а его пальто, и без того великоватое, явно просторное, он почти никогда не застегивает.

Таким предстает Александр Ильин в квартире у Тамары, женщины, которую любил, но не видел многие годы. Их разлучила война, а потом судьба повела его по другой, по дальней и крутой дороге. Но к Тамаре он заявляется так, будто был здесь совсем недавно. Не гостем, а хозяином располагается на диване — напротив Тамары, присевшей на стульчике, бесцеремонно распрашивает ее о жизни, о работе. О себе говорит как бы между прочим — все у него, мол, в порядке, работает, дескать, главным инженером крупного химического комбината, особые комментарии тут вроде бы не требуются. Но постепенно за спокойствием и раскованностью Ильина мы, еще не знаящие к тому моменту, как сложилась его жизнь, начинаем угадывать и напускную браваду, и вранье, и какую-то внутреннюю тревогу. Ильин бодро произносит фразу, якобы формулирующую суть его целеустремленного бытия: «Жизнь моя — железная дорога, вечное стремление вперед», — а нам слышится едва скрытая самоирония. Весел его взгляд, но невесела его улыбка. Нам хочется понять еще неясное пока внутреннее состояние этого человека — он прячет свое сокровенное, заклоняется от посторонних глаз, от Тамары. Не свершилось то, к чему себя готовил. Так что же — выглядеть пасынком судьбы, эдаким горемыкой? Нет, это не в натуре Ильина.

ЛЮБШИН

И потому, вероятно, герой прячется под маской, затевает игру — изображает человека вполне благополучного.

В представлениях, которые устраивает Ильин, актер прибегает к откровенной комедийности. Неожиданные выходы Александра Петровича — это своего рода эффектная «декорация», маскировка мучающих героя чувств.

Вот Ильин, надев одну на другую Тамарины шляпки, поет, сопровождая на гитаре, песенку о бестолковой любви. Нелепый, смешной вид, небрежная — нога на ногу — поза, а сердце щемит от грусти, от боли, от сочувствия герою. Почему?

Эффекты на грани комикования артист сочетает с тонкой психологической разработкой характера. Чем больше он нагромождает вокруг героя «бутафорию», тем глубже становится психологический анализ. Именно такое, казалось бы, несовместимое сочетание приемов удается актеру и приводит нас к разгадке образа, к пониманию его особой структуры.

К смешным и нелепым выходкам, как к средствам характеристики своего персонажа, Любшин прибегал и раньше, например, в фильме «Ксения, любимая жена Федора», в «Слове для защиты». Балаганил у столика в столовой Федор, встретив за обедом жену и начальника стройучастка, выкомаривал Виталик Федяев, когда к нему домой пришла адвокат Межникова. Там прорывались чувства, которые в тот момент действительно владела Федором, Виталиком. В «Пяти вечерах» Ильин, прикидываясь, ломая комедию, старается скрыть подлинные чувства. Шутство нужно здесь актеру, чтобы создать вполне реалистический контраст между поведением героя и его действительным, но скрываемым состоянием. В том и заключается своеобразие и сложность роли Ильина, что, лицедейством заслоняя свое «я» от окружающих, от Тамары, герой как бы невольно открывается нам, позволяет нам догадываться о происходящей в его душе борьбе, а позд-

нее — убедиться в правильности нашей догадки.

Смыкающиеся течения определяют экранное движение образа: все более понятный драматизм судьбы Ильина и все более приметная возродившаяся любовь к Тамаре. Момент первой встречи с Тамарой, кажется, не разбередил душу Ильина — он спокоен, по крайней мере, выглядит таким. Но уже в песенке о бестолковой любви, в словах «да мы начнем все сызнова», сквозь шуточный, если не шутливый, характер ее исполнения пробивается истинное чувство, звучит полупризнанием. Затем будет сцена на лестнице, где Ильин безуспешно попытается вовлечь Тамару в лирические воспоминания.

Последует еще один, решительный заход, уже не потаенный и без маски. Вечером, в пустой коммунальной кухне, он предлагает Тамаре уехать вместе с ним: «Том, давай сорвемся, поплывем куда-нибудь на север. Я шофер. Я шофер первого класса. Я и механик. Ну что, я стал бы для тебя хуже? А?» Откровенным признанием, прямым предложением, сделанным горячо и всерьез, Ильин не только проверяет Тамару (понимает ли она его? Может ли поехать за ним на край света?) — он обнажает свои мысли и чувства. Но ни понимания, ни отклика — увы! — не находит. Он искал кратчайшую дорогу к близкому, родному человеку — не получилось, надо уходить. И Любшин с поразительной силой передает безвыходность положения своего героя.

...Вокзальный ресторан. В ожидании поезда подвыпивший Ильин изливает душу незнакомому и безразличному молоденькому лейтенанту, а потом, обращаясь к тому же молчаливому собеседнику, к другому, к третьему — к чужим людям! — он тщетно старается припомнить слова песни, которую когда-то, в войну, пел он, пели солдаты. «Не для меня придет весна...» Как там дальше? Никто вокруг не знает, не помнит.

Слова той песни — лейтмотив образа. Ускользают слова, но лейтмотив звучит все громче и явственнее. Прикидывался Александр Петрович: «Я сво-

бодный, веселый, счастливый человек». А в душе Саши Ильина, полузабытые, набирали силу слова: «Не для меня придет весна и песней жаворонок зальется... Кто-то там ...в роще отзовется с восторгом чувств не для меня...» Нескладные слова, да ведь в них — истина чувств, переживаний. И в голосе Станислава Любшина отчетливо слышны искренние трагические ноты. Прорвалось все, что накопилось, что годами хранилось в тайниках души. Ильин исповедуется, и исповедь его — о пережитой войне, о былых мечтах и надеждах, о возможных свершениях, о Тамаре, об их потерях, о любви.

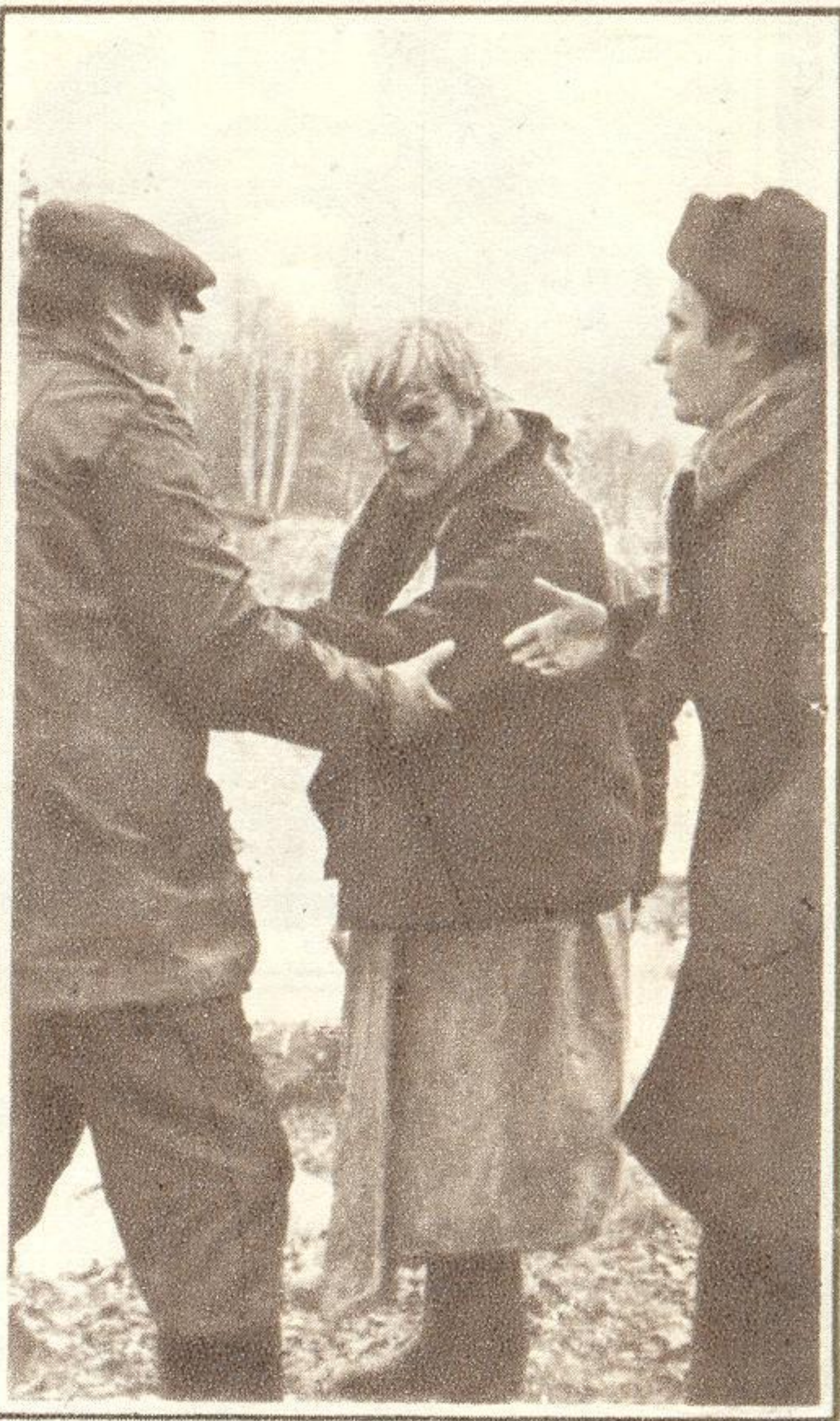
И тут же — немыслимое прощание с любовью. Потерять ее нельзя, нельзя уйти от нее! «Не для меня придет весна...» Неутихающая боль в этой песне трагических лет в острой вспышке драматических и лирических воспоминаний. Похоронная для солдат, а сейчас, в этой ситуации, неужели безысходная и для него, Ильина, для его судьбы, для его любви?

Актер ясно дает понять, что Ильин уже не думает о взятой на себя роли. Совесть не позволила сыграть ее до конца, притворство потерпело поражение.

Ильин возвращается к Тамаре. Возвращается потому, что любит, потому, что не потерял веру, надежду. Он уже не хочет прикидываться и бравировать. И вот такому ему, безоружному, открывшемуся, Тамара говорит, что гордится им. В его глазах — слезы...

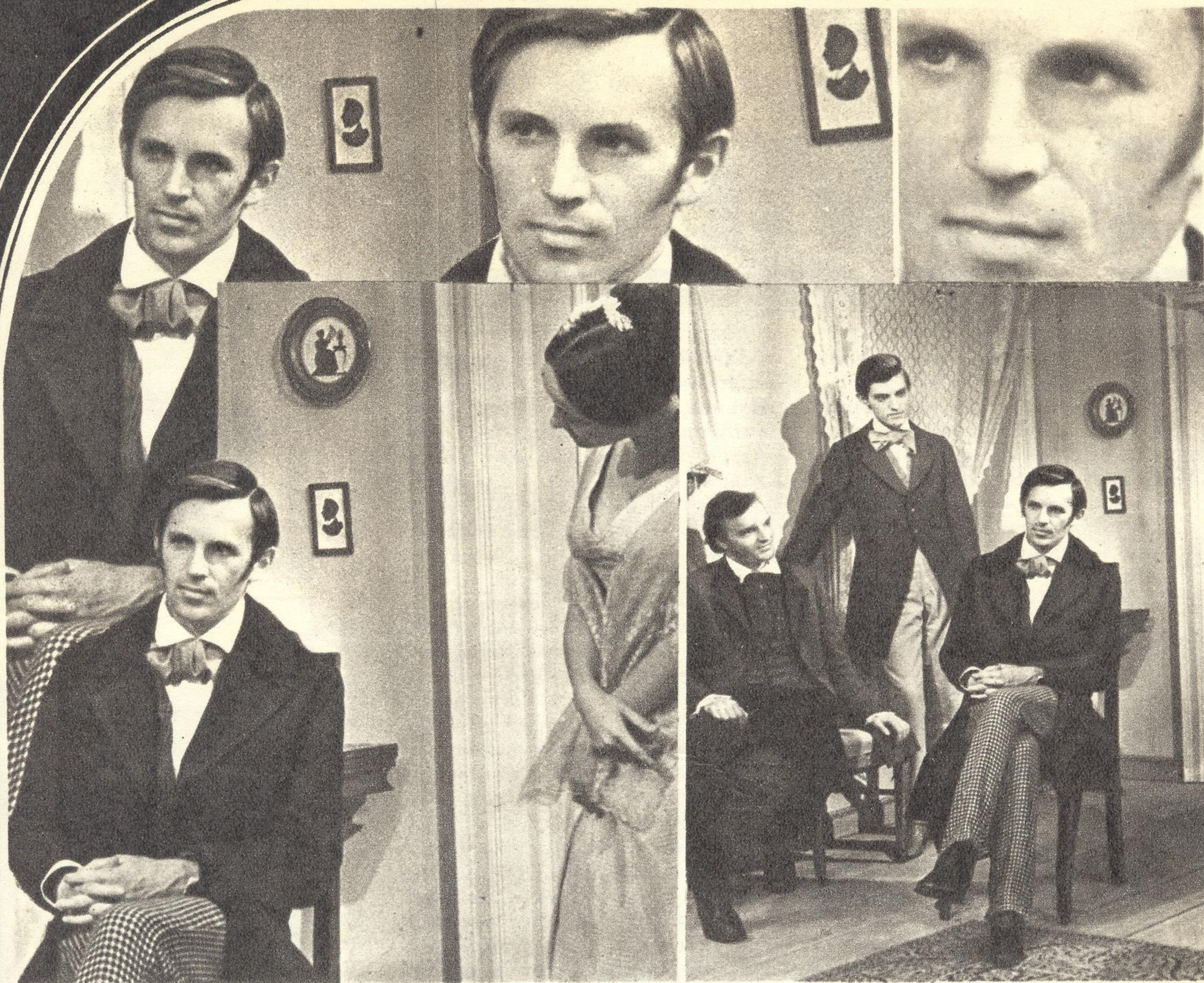
Роль Ильина — высокая ступень в творчестве актера Станислава Любшина. Что ждет его впереди? Было бы интересно расспросить артиста о его творческих принципах и планах — мне это не удалось. Пришлось использовать давние высказывания Любшина, чтобы показать его верность убеждениям, сложившимся еще в начале его творческого пути. Любшин не дает интервью, нетерпимо относится к досужим беседам, к рекламным фотографиям. Считает, что об актерах надо судить по их работам. Он сказал мне только: «Напишите о «Пяти вечерах», это хорошая картина...»

Е. СЕРГЕЕВА



● НЕ СТРЕЛЯЙТЕ
В БЕЛЫХ
ЛЕБЕДЕЙ
Мосфильм, 1980 г.

● ПЕРВАЯ
ЛЮБОВЬ
Мосфильм,
1968 г.



● ОСТРОВА
В ОКЕАНЕ
Центральное
телевидение,
1978 г.

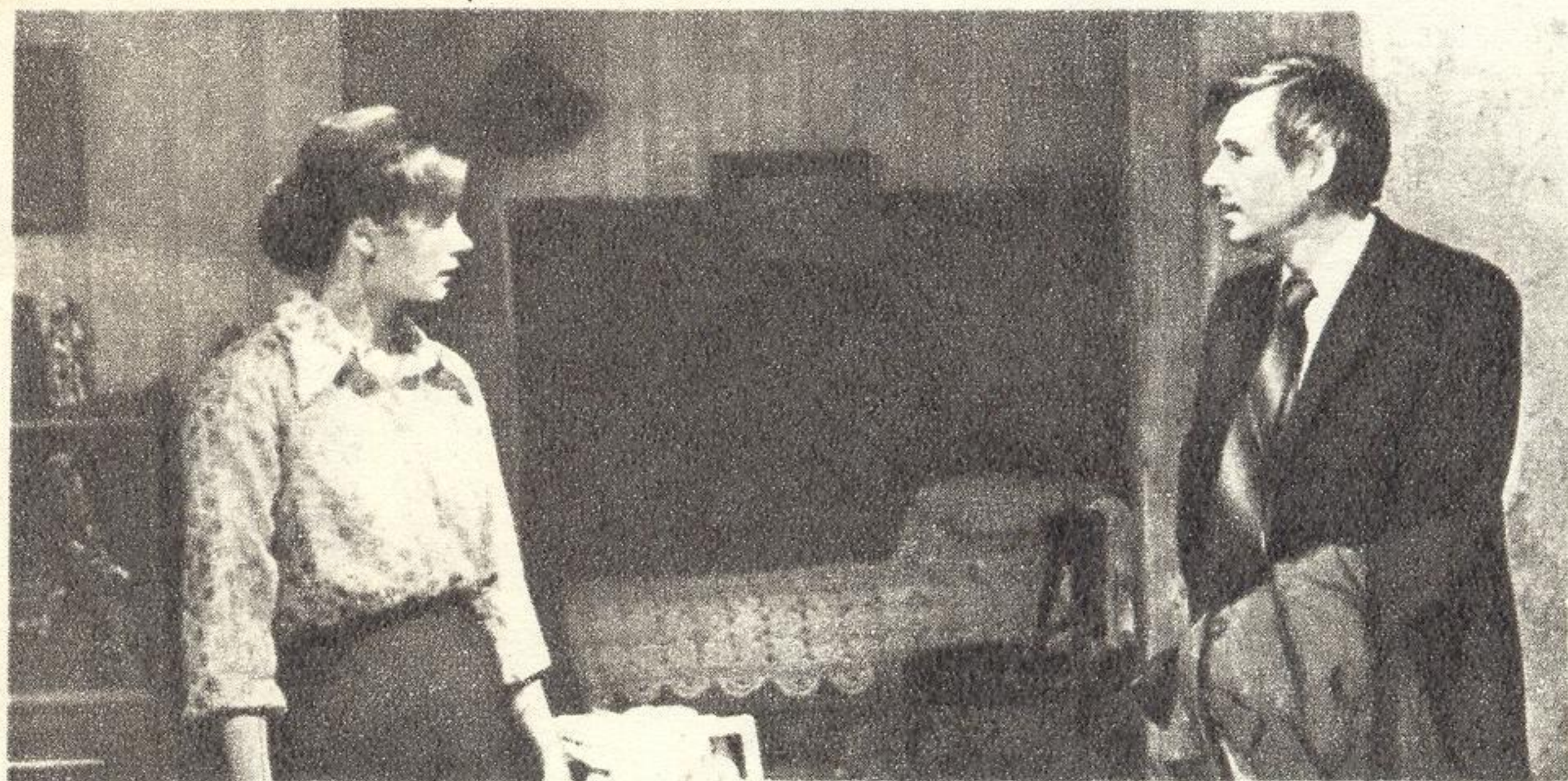




● МОЯ
ЖИЗНЬ
Ленфильм,
1972 г.



● ДОМ
ОКНАМИ В ПОЛЕ
Центральное
телевидение, 1979 г.





Цена 80 коп.

«Не стреляйте в белых лебедей»
Рабочие моменты

В буклете использованы фото
Л. Басина и А. Пашвыкина

Е. СЕРГЕЕВА
СТАНИСЛАВ ЛЮБШИН

Художник К. СОШИНСКАЯ
Редактор Э. МАКАРОВА
Художественный редактор
О. РАЗДОБУДЬКО
Технический редактор
В. ЯНЦЕВИЧ
Корректор Т. ТИТОВА

Сдано в набор 23.08.80.
Подписано в печать 04. 01.81.
А 04509. Формат 60×90¹/₈
Бумага тифдручная.
Гарнитура рубленая. Печать глубокая
Усл.-печ. л. 3,0 Уч.-изд. л. 3,979
Тираж 200 000 экз.
Цена 80 коп. Заказ 3266

.....
БПСК СОЮЗ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ
СССР
Бюро пропаганды
советского киноискусства
125319, Москва, ул. Черняховского, 3.
Ордена Трудового Красного Знамени
Московская типография № 2
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, 129085, проспект Мира, 105